

Навстречу Всесоюзному некрасовскому празднику поэзии

Анатолий Тарасов Повесть
ВСЕГО ОДНО ЛЕТО

ПРОЕХАВ мимо Ипатьевского монастыря, они вместе с богомольцами переправились через Костромку, как звали здесь реку Кострому, докатили до главной площадки и остановились. Некрасов велел Силантию ехать к торговым рядам и ждать там, а они пошли пешком.

Подшли к торговым рядам, дошли до галантерейщика. Зина сняла с прилавка большой платок — яркий, цветастый. Взяла за концы в руки, одним движением кинула за спину, развела руки — как птица сказочная в полете:

— Пойдет?
Так и пахнуло на Некрасова шумной народной ярмаркой — пестрой, многоцветной — с красными девушками да парнями, с шутками Петрушки ярмарочного, выкриками подвыпивших мужиков.

— Пойдет! Выбирай второй, да немного поскромней, «постарше».

— Зачем?
— Так надо, потом узнаешь. Расплатились и пошли к тарантасу.

Переправившись снова через реку Костромку, подались на северо-запад. Места низинные — справа Костромка, слева Узакса и озеро Каменик, а между ними луга да болотинки. И на каждом шагу птица с земли поднимается. Раз прямо из-под ног кулик и небу взвился, лошади так и шарахнулись.

— Настоящий птичий рай, — обернулся с козел Силантий. Наконец лесок показался, а за ним и деревня на самом берегу. Подивилась Зина: и церковь, и часть домов, и баньки на журавлиных ногах-сваях стоят. И у каждого дома лодка перевернутая в траве отдыхает. Странно впервые видеть, как прямо под домом овца траву щиплет.

— Это сейчас так, — говорит Некрасов, — а весной что тут делается! Все под водой — словно Венеция!

Мазая дома не оказалось. — На реке, где ему быть, — махнула рукой вниз поджарая пожилая женщина. — Чай, рыбу ловит.

— Лексеич! Дорогой ты мой! — поднимая от воды жилистый старик с складистой бородой в холщовых штанах, засученных до колен. И остановился, не зная, что делать — руки в чешуе и тине, обнять гостя и то нельзя.

Поздоровались, пошли к деревне.

Где-то за рекой один за другим прозвучали два выстрела.

— Опять Каширията палят! Чтоб им пусто было! — выругался Мазай. — Нет от них спасенья ни птице, ни зверю даже сейчас. Ловко ты про них, Лексеич, в книжке пропечатал! Так теперя и зовут все «Каширията» да «Каширията»...

Подшли к дому. Та же старуха озорно глянула на Мазая:

— Что, застали тебя господина в чем мать родила, — и

показывает на рваные штаны его.

— Да нешто ты не узнала Лексеича-то?

— Ах, батюшки, и верно! А я со слепу и не вижу... Да и не бывал он николи с барыней-то — и глядит на Зину. — В избу пожалуйте! Али вот я вам холодненького молочка принесу. Вынесла кринки с молоком.

— Благодарь, спасибо! — возвращая кринку, поблагодарил Некрасов.

Зина с удовольствием попила и тоже поблагодарила.

Силантий из-за угла вышел — коней проведаль, — и он осушил кринку, крякнул от удовольствия и с поклоном:

— Спасибо, бабушка!

— Какая я тебе бабушка? Мне всего семьдесят годков только, — смеется старуха.

Договорились идти належке искать место для ночлега.

Пошли вдоль реки. Силантий взял на всякий случай некрасовское ружье. Мазай посмотрел на него, но ничего не сказал.

Любуясь нетронутой красотой русской реки, украшенной по берегам кустами ивы и тальника, местами заросшей камышом и кувшинками, незаметно отмерили с полверсты.

Вышли на полянку, а у противоположного берега из камышей выплыла утка с малыши утятами, еще желтенькими — снуют вокруг нее, копошатся, обгоняют друг друга...

Подобрали место для ночлега. Силантий пошел за конями и тарантасом. Мазай принес из садка свежей рыбы:

— Как знал, заране наловил.

Сварили уху, пообедали, добавив своих припасов. Некрасов велел Силантию запрягать и ехать в Шоду за Гаврилой:

— Тут всего верст двадцать будет. Скажешь Некрасову у Мазая ждет. Без него не возвращайся. Да он и сам не утерпит.

Часа через два катит тройка. Гаврила на хозяйском месте сидит. Сошел степенно, а у самого глаза от нетерпения горят.

Обнялись, поглядели друг на друга.

— Отощал ты, Николай Алексеич, — заключил Гаврила, оглядев еще раз жидковатую фигуру «друга-приятеля». — Знать, не кормят тебя в городе-то. — А потом, оглянувшись на Зину:

— А ничего, жирным какая охота! — и снова повернувшись к Зине:

— Здравствуйте, — и чуть замаялся, не зная, как назвать — то ли барыней, то ли еще как.

Мазая поклонился молча. — Здравствуйте, — ответила Зина, с интересом рассматривая друга поэта. Мазай ответил тоже молчаливым поклоном.

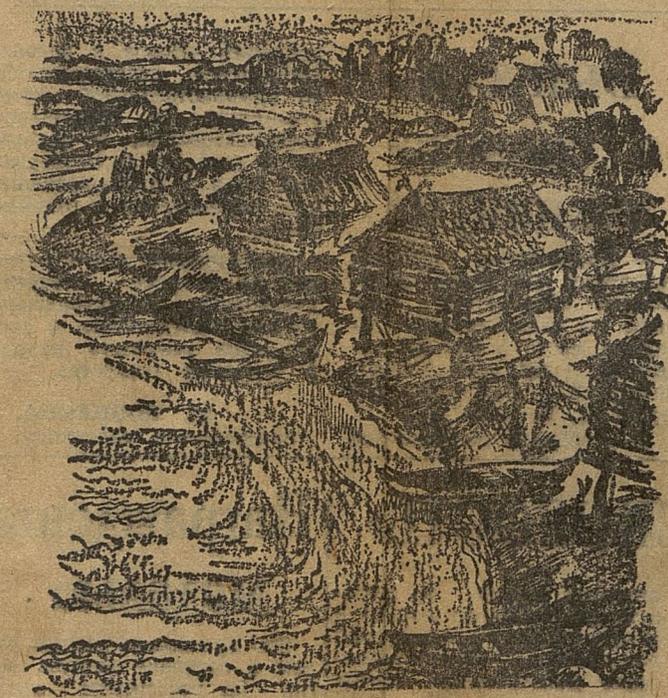
Пошли разговоры об охоте, о дичи:

— Куда стало меньше! Да и господи шибко балуют. Почитай, кажиный день палят. Нешто шас можно!

Некрасов спросил про Марьяну, про детей.

— Здоровы, кланяются тебе, ждуть. Марьяна пироги печь собралась.

НЕЗАМЕТНО в разговорах подошел вечер. Снова зажгли костер. Гаврила больше возле Некрасова держался. Верховодил у костра Мазай. Силантий подносил дрова, помогал ему.

«В нашем болотистом, низменном крае...»

Рис. А. Лебедева.

Зина освоилась быстро, особенно с Мазаем — через какие-нибудь полчаса все «дедушка» да «дедушка», а он ее то «Зинаида Николаевна», то просто «Зина» — как родные. Закипела уха. Выпили «по доброй чарочке», закусили. Стали вспоминать прежние охоты.

Гаврила пожаловался на губернаторских поваров и дворецкого.

— Помнишь, в Костроме, как я дичь ко дворцу нес, а меня к тебе позвали. Ты еще велел дичь отдать, а денег не брать — сам заплатил, чтобы скорее ехать ко мне. Понравилось. Потом, как ни принесешь, или ничего или гроши получишь. Ну да бог с ними, — махнул он рукой. — Я себе пропитание всегда добуду. А все же нехорошо так-то. Нешто беден губернатор-то, заплатить не может...

Мазай вспомнил, как приезжал губернатор в гости к их помещику. Всех мужиков выгнали дорогу исправлять. И все же, как обратно ехал, то

ли кучер сплеховал, то ли зверь лошадей спугнул — метнулись в сторону и застряли в болоте.

— Всей деревней вытаскивали. А потом досталось мужикам...

Помолчали. Зина сидела задумавшись, слушала и вспоминала Петербург, рассказы отца о солдатской службе.

Посмотрев на нее, Мазай оживился:

— Что это мы все про господ. Али наша мужицкая жизнь совсем интересу не имеет? — и повернулся к Зине:

— А что, Зина, ты, чай, не из бар будешь? — спросил Мазай, когда они остались втроем с Силантием.

— Нет, дедушка, мой отец солдатом был.

— И то я смотрю, повадки-то у тебя не те. Барыня так не сможет, где уж ей так-то.

— А потому, немного подумав, как бы продолжая мысли вслух: — У Лексеича душа добрая, на хороших людей глаз вострый... Вот и тебя усмотрел. Люби ты его.

— Да я и то... все готова ему отдать...

Некрасов вернулся и предложил Зине поспать перед дорогой:

— Надо и отдохнуть немножко. — Та покорно согласилась. Силантий принес из тарантаса свою поддевку, постелил возле костра, Зина легла на нее, Некрасов укрыл своей курткой — и она быстро уснула.

Силантий пошел проведать лошадей, пасущихся поблизости стреноженными. Мазай маленьку подкладывал дрова в костер. А Некрасов сидел у огня и думал, как щедро душа русская, сколько талантов таится в ней. И время от времени с удивлением и радостью поглядывал на Мазая, то на спящую Зину.

ПОЗАВТРАКАВ у костра, простились с Мазаем и поехали в Шоду. Дорога то подходила к реке, то шла лесом.

— Вон там, в болотах, — показал Некрасов Зине, — на одном из поворотов куда-то далеко вперед и вправо, и погиб Сусанин...

— А обличьем-то он на дедушку Мазая был похож, — заметила Зина. И Некрасов подивился такому ее сравнению.

...Шода стояла на самом берегу. Подъехали к дому. Навстречу степенно вышел радостный Гаврила, за ним улыбалась и тянулась к гостям, но не смела опередить мужа Марьяна.

Поздоровались по русскому обычаю и пошли в дом. На столе уже стояли закуски: соленые грибочки, сметана, ягоды. Марьяна направилась к печи.

Некрасов вздохнул:

— А ну-ка, Зина, за подарком!

Та мигом смекнула, сбегала к тарантасу, вбежала и накинула на плечи Марьяны цветастый платок. Марьяна так и обмерла, оглядев себя:

— Что вы, старуха я!

— Невеста, хоть сейчас к венцу, — поправил Некрасов, а Гаврила при этих словах только крякнул.

Сели за стол. Вдруг на стене в часах что-то зашипело, открылась дверца, выскочила кукушка: ку-ку, ку-ку, ку-ку...

— Узнаешь свой подарочек? — спросил гостя Гаврила. — День и ночь справно служит. Почитай, годков десять скоро.

А Марьяна все подавала и подавала из печи угощения.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

— А что, Зина, ты, чай, не из бар будешь? — спросил Мазай, когда они остались втроем с Силантием.

— Нет, дедушка, мой отец солдатом был.

— И то я смотрю, повадки-то у тебя не те. Барыня так не сможет, где уж ей так-то.

— А потому, немного подумав, как бы продолжая мысли вслух: — У Лексеича душа добрая, на хороших людей глаз вострый... Вот и тебя усмотрел. Люби ты его.

— Да я и то... все готова ему отдать...

Некрасов вернулся и предложил Зине поспать перед дорогой:

— Надо и отдохнуть немножко. — Та покорно согласилась. Силантий принес из тарантаса свою поддевку, постелил возле костра, Зина легла на нее, Некрасов укрыл своей курткой — и она быстро уснула.

Силантий пошел проведать лошадей, пасущихся поблизости стреноженными. Мазай маленьку подкладывал дрова в костер. А Некрасов сидел у огня и думал, как щедро душа русская, сколько талантов таится в ней. И время от времени с удивлением и радостью поглядывал на Мазая, то на спящую Зину.

ПОЗАВТРАКАВ у костра, простились с Мазаем и поехали в Шоду. Дорога то подходила к реке, то шла лесом.

— Вон там, в болотах, — показал Некрасов Зине, — на одном из поворотов куда-то далеко вперед и вправо, и погиб Сусанин...

— А обличьем-то он на дедушку Мазая был похож, — заметила Зина. И Некрасов подивился такому ее сравнению.

...Шода стояла на самом берегу. Подъехали к дому. Навстречу степенно вышел радостный Гаврила, за ним улыбалась и тянулась к гостям, но не смела опередить мужа Марьяна.

Поздоровались по русскому обычаю и пошли в дом. На столе уже стояли закуски: соленые грибочки, сметана, ягоды. Марьяна направилась к печи.

Некрасов вздохнул:

— А ну-ка, Зина, за подарком!

Та мигом смекнула, сбегала к тарантасу, вбежала и накинула на плечи Марьяны цветастый платок. Марьяна так и обмерла, оглядев себя:

— Что вы, старуха я!

— Невеста, хоть сейчас к венцу, — поправил Некрасов, а Гаврила при этих словах только крякнул.

Сели за стол. Вдруг на стене в часах что-то зашипело, открылась дверца, выскочила кукушка: ку-ку, ку-ку, ку-ку...

— Узнаешь свой подарочек? — спросил гостя Гаврила. — День и ночь справно служит. Почитай, годков десять скоро.

А Марьяна все подавала и подавала из печи угощения.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.

Гостили у Гаврилы до другого дня. К вечеру вернулись в Карабику.